ФРАНЦУЗСКИЕ РАССКАЗЫ

ИВАН КАРАСЁВ

ИВАН КАРАСЁВ

ФРАНЦУЗСКИЕ РАССКАЗЫ

JK
CLUB

2018

КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОГРАММИСТОВ ПРОКОРМИЛ

Для чего люди едут во Францию? Разные бывают причины, но чаще всего одна – увидеть Париж (Лион, Каркассон, замки Луары) и умереть, или забраться на Эйфелеву башню и зарядиться её, как некоторые говорят, энергетикой, или посетить Лувр и стоять, не дыша, перед Моной Лизой. У меня же был совсем иной резон.

Во-первых, в Париж меня вот уже сколько-то лет не тянет совершенно; Эрмитаж - музей не хуже, и башню Газпрома вот-вот закончат, а выглядит она значительно интереснее Эйфелевой, всё-таки технологии шагнули далеко вперёд. Но не только поэтому – по личному опыту знаю, что в столице Франции остаётся всё меньше и меньше французского, иногда даже чувствуешь себя очень одиноко в обычной уличной толпе, так и тянет спросить: «А тут кто-нибудь говорит по-французски, ну или хотя бы по-английски?» Наиболее слабонервные записываются на курсы арабского, но я к таковым не принадлежу, просто дезертирую, это не трусость, а пример трезвого анализа ситуации.

Нет, я не расист, цвет кожи человека для меня не критерий отбора. Я, скорее, консерватор, неприемлемо видеть, как центр европейской цивилизации последних веков четырёх превращается в крупнейший африканский культурный центр в Европе формата постбрэксит (вроде бы в Лондоне в этом отношении ещё «лучше»). Грустно становится от того, что населяющие Большой Париж люди абсолютно равнодушны к его истории и культуре. У них другие ценности, пардон за модное слово. Но мне почему-то не хочется молиться Аллаху, расстелив под коленями коврик, по какой-то непонятной причине больше испытываю желание посмотреть коллекции импрессионистов в музее Орсе.

Во-вторых, значительную часть территории Франции я уже объездил, в иных местах бывал по нескольку раз, а когда «Такую разную Францию», наконец, после долгих мук выбора среди стоящих в очереди издательств напечатают в титульной стране очерка, боюсь, путь мне в некоторые города вроде Парижа, будет заказан. Зато, к примеру, про Италию я ещё ничего не написал, а там для меня пока очень много белых пятен.

Поэтому причина очередной поездки оказалась совершенно банальной – давно хотел накормить чем-нибудь оригинальным двух своих старших сыновей-французов. Хоть и живут взрослые уже мальчики во Франции, а готовить сами не очень любят и не шибко умеют, сварят себе макароны, купят ветчины, багет да круассаны, а в остальное время мучаются в общепите, а там одна ерунда - эскалопы, говядина по-бургундски, телятина в сливочном соусе, утиные ножки в собственном соку, устрицы, киши по-лотарингски, паштеты, риеты свиные и рыбные, фуагра гусиная и утиная, улитки жареные в ракушках, профитроли - скука сплошная. Надо всё-таки иногда еду разнообразить. Но как? Сала во Франции не найдёшь, селёдку дети мои не признают, рассольник я сам не люблю, выход один – приготовить им борщ, кого только я им не кормил в последнее время, а вот дети мои старшие оказались обделёнными.

К поездке подготовился основательно, даже заправку для борща купил, она хорошо дополняет остальные ингредиенты блюда, которые я надеялся приобрести на месте. Одно беспокоило: в аэропорту на безопасности её отберут, она же жидкая в общем-то, а в инструкциях авиационных написано, что жидкости нельзя пропускать, они, дескать, имеют обыкновение взрываться в самолёте. Представляете себе такой взрыв свекольной заправки, это же просто кошмар какой-то, всё багрово-красное вокруг вплоть до белоснежной рубашки командира корабля! Но пронесло, возможно зоркий глаз сотрудника безопасности принял содержимое 250-ти граммового пакета за консервированных червяков. Мало ли что везут люди за границу, вон, оказывается, на экспорт уже наша косметика пошла, так чему после этого удивляться? Может посоветовать гениям косметического дела в России создать специально для Европы парфюмы классических российских запахов: для женщин – аромат трёхдневных носков грузчика, например, или потного женского тела для мужчин (с тёплым пивом, говорят, хорошо гармонирует)?

Но я отвлёкся, к счастью для меня, дети мои решили собраться не в Париже, а в красивом городе вблизи Атлантического побережья под названием Нант. Про Нантский эдикт Генриха Четвёртого слыхали? Так это там имело место. В Нанте обосновался Алексей – это младший, он, кстати, учёбу закончил и, как старший, стал программистом. В семье стало целых два программиста, надо, что называется, отметить. Такое важное событие, собственно, и стало

толчком для реализации давно вынашиваемого замысла нашего мальчишника – отметить конец учёбы рюмкой борща. Ведь до этой поездки отпрыски мои о папином борще только слышали, так что пора им попробовать, ну чем не повод для организации совместной гулянки на берегах спокойной Луары!

Так и летел я во Францию на комфортабельном лайнере компании «AirFrance», предвкушая предстоящие пирушки со своими взрослыми детьми. В самолёте накормили, даже вина не пожалели, в общем я был доволен жизнью, когда, пересев на поезд, приближался к ожидавшим меня Марку и Алёше. Одно обстоятельство слегка тревожило меня – в последний момент выяснилось, что дома в наличии имелись лишь две пятисотевровые купюры, а с ними в Европе тяжело, не разбежишься, получить сдачу можно только в хорошей гостинице. А в ней-то как раз я и не нуждался. Зачем придумали деньги, которые нельзя использовать? Чудаки.

Карточка мне помочь не могла ввиду почти полного отсутствия денег на ней. Ничего, думал я, завтра с утра схожу в банк и разменяю, всё-таки цивилизация, не то, что какая-нибудь российская дыра. Но не тут-то было. С утра, пока дети ещё дружно сопели возмужавшими носиками после затянувшихся до трёх часов ночи посиделок, я понёсся в увлекательный тур по близлежащим банкам. Ответы на мой вопрос разочаровывали своим однообразием: «Нет, мсье, мы не меняем купюры. В Европе этого уже никто не делает!» Я вежливо благодарил за потраченное на меня драгоценное время банковских клерков, но в то же время ворчал про себя: «А давно Португалия вышла из Евросоюза? В тамошних финансовых учреждениях х я регулярно разменяваю пятисотки».

Идти пробовать получить сдачу с большой фиолетовой бумажки в ближайший супермаркет в субботу утром тоже было бесполезно. Тогда я придумал простой выход из ситуации – пусть Алёша положит мои евро на свой счёт в ближайшем банкомате и платит за всё! Но это тоже оказалось не так просто, данная операция не предусматривалась в меню денежных машин, пришлось сыну, как мне когда-то в далёкие девяностые, запечатывать деньги в специальный конверт и опускать его в специальный опять же ящик в офисе французского аналога Сбербанка, который и называется также как у нас в старые времена – сберегательная касса. Я смотрел на это действо с растерянностью и некоторыми опасениями (к техническому прогрессу быстро привыкаешь, а всё устаревшее кажется таким неудобным и допотопным!):

- А ты уверен, что они попадут на твой счёт, а не в чей-то карман?

- Да, папа! – лаконично и немного раздражённо по причине моих глупых страхов ответил сын.

- Вот придёт нечестный сотрудник вынимать всё из ящика и скажет, что твоего конверта не было! – не унимался я.

- Папа, такого не бывает, мы не в России! – закрыл тему сын.

Я промолчал, но именно в Париже и в Риме мне не додавали сдачу, хотя, в качестве туриста, приехавшего на несколько дней, я не так часто там ходил в магазины. Раз пятнадцать-двадцать делал покупки, два раза надули, высокий процент облапошивания! Но тут же забыл о своих страхах, увидев, как за нашими спинами сотрудница банка закрыла двери, двенадцать часов, в субботу банки больше не работают. Успели, обрадовался я, во всём надо видеть положительное, так легче жить. Повезло, что мы веселились не до пяти прошлой ночью, деньги успели положить и на знакомство с достопримечательностями города ещё время осталось. Правда была одна ложка дёгтя в этой огромной бочке с мёдом: в нашей семье платить привык я, даже, когда собираемся все вместе в доме первой жены, всё равно бежит в супермаркет автор этих строк. Теперь я чувствовал определённый дискомфорт – за меня всюду рассчитывается сын, но очень скоро нас с Марком это начало забавлять, и в каждой забегаловке мы официанту, принёсшему счёт, указывали на Алёшу: «Запомните его, теперь он всегда будет платить за нас!» Алёша отвечал нам взаимностью и не давал мне карманных денег, а я просил:

- Сынок, ну дай папе немного бумажек на бухло!

Сын был неумолим:

- Папа, пить вредно! Ночью пили! – Алёша часто бывает правильным, особенно после ночных «бесед», щедро орошённых, как говорят французы (arrose) разными спиртосодержащими жидкостями.

Так продолжалось весь день, я вживался в роль попрошайки, а Алёша – в роль строго родителя. Услышав очередную нижайшую просьбу дать немного деньжат, он принимал грозный вид и говорил: «Не дам, алкоголик!» Так мы веселились, осматривали историко-архитектурные памятники. А посмотреть было что, но всё это время я ощущал непривычную пустоту в кошельке, где одиноко лежало только несколько тысячерублёвок. Мне было «позволено» лишь вино в ливанском ресторанчике, где мы на скорую руку перекусили, потом попили кофе в кофейне. Лишь ближе к вечеру, сын расщедрился и выделил папе целых шестьдесят евро. Я был на седьмом небе от счастья!

Правда, между тем произошло одно неприятное происшествие – видимо, окончательно вжившись в роль безмозглого иждивенца, думающего только о халявной выпивке, я потерялся, потерялся как маленький ребёнок в большом городе. Это звучит смешно, но так и было. Увлёкшись фотофиксацией достопримечательностей, пошёл не в ту сторону и внезапно осознал, что я

один-одинёшенек в беззаботной Нантской толпе. Марк и Алёша рядом не наблюдались, наверное, увлечённые беседой, они ничего не заметили. На лбу выступил холодный пот. В кармане ни сантима, адрес я, конечно, тоже не запомнил, как идти туда тем более, меня ведь вели. Стал шарить по карманам в поисках телефона, достал, вверху тревожным сигналом индикатора заряда горела красная чёрточка. Расплата за безудержное фотографирование. «Ничего, успею», - мелькнуло в голове, надо только скорей. Дрожащими пальцами набираю номер старшего. Долгое ожидание среди мучительно-протяжных гудков. Наконец голос сына:

- Пап, ты где? Мы тебя потеряли.

- Я, я, сейчас, найду табличку. А вот – рю де ла Пэ. Вы подойдёте, а?

Сын почему-то молчал.

-Марк, ты меня слышишь?

Тишина, на том конце линии никто ничего не говорил. Я оторвал телефон от уха, посмотрел на экран – он не светился. «Ах ты подонок, не мог на 30 секунд больше прожить!»

Резюмирую. Один, посреди чужого города, без денег, дОжил. Присел на каменную ступеньку какого-то административного здания, задумался, ситуация не из весёлых - ещё немного и милостыню просить придётся. Голова стала лихорадочно искать варианты – попросить у кого-нибудь на смартфоне найти имя и фамилию младшего, сеть выдаст адрес, а дальше – язык, как говорится, до Киева, в данном случае до Алёши, доведёт. Благо единственное, что у меня оставалось – это способность говорить по-французски, а французы – люди отзывчивые, помогут. И когда я встал и двинулся наперерез уже слегка недоумевавшему дядечке средних лет, на ближайшем перекрёстке увидел высокого Марка, махавшего мне рукой – спасение, ура! Беззаботная жизнь продолжается, карьера бомжа не грозит!

Однако время шло, после пережитого потрясения я вспомнил о главном – нужно приготовить борщ, а для этого требовалось купить не только мясо, картошку, свёклу и так далее, но и некоторые кухонные принадлежности. Накануне я сделал ревизию Алёшиного хозяйства и установил отсутствие

кастрюли нужного размера, тёрки и даже черпака. Мы не очень хотели ехать из центра к чёрту на кулички, поэтому решили прибарахлиться в сетевом хозяйственно-мебельном магазине с говорящим названием «НЕМА». Это, видимо, на местном новоязе означает «Всё для дома». Пусть дороже, зато время сэкономим. Но проблема оказалась сложнее, нежели мы её себе представляли. Ведь я не умею готовить борщ на три порции, мне подавай хотя бы трёхлитровую ёмкость. Однако приличной большой кастрюли в магазине «НЕМА» было нема. Взяли поменьше, я решил, что сварю в двух кастрюлях, бульон в которой побольше, а потом разберусь. Тёрки в магазине тоже отсутствовали как класс. «Да, - подумал я, - ничего тут нема, недаром так называется, а то, что есть, наверняка могли бы купить раза в полтора-два дешевле в каком-нибудь гипермаркете».

Не хотелось терять время и ехать далеко от центра, посему попробовали ещё один магазин, но с тем же результатом. Пришлось садиться на автобус (за все два дня в Нанте я, кажется, не заметил ни одного такси). Большой двухсекционный «Рено» через добрый десяток остановок довёз нас до ближайшего Ашана, где уж заодно затарились и всем необходимым для борща. Но и там, после долгих поисков, я смог найти только одну маленькую кастрированную полутёрку-полурезку. «Морковь на ней придётся тереть минут пятнадцать», - мелькнуло в голове, но отступать было поздно, также как и искать другую, в субботу во Франции всё закрывается раньше обычного.

Вернулись на базу, я, было, уже приготовился одевать виртуальный фартук, потому что настоящего у Алёши не имелось, как взрослые мои парни с мольбой в глазах попросили меня перенести сие действо на завтра, ибо они были наслышаны о том, что на него требуется часа два с половиной.

- Как дети, вы не хотите папиного борща! – возмутился я.

- Хотим, хотим, но давай завтра, прямо с утра!

Пришлось уступить, изобразив на лице страшное разочарование, хотя и сам предпочёл бы сесть за стол пораньше.

Тридцатиминутная пешая прогулка вдоль живописной речки Эрдр ещё больше раззадорила наши аппетиты. Но вот мы, наконец, и в центре города с его многочисленными кормушками разного вида. Правда, натолкнулись на одно вполне ожидаемое препятствие. Дело в том, что в городе Нант, как это ни странно, все хотят есть, поэтому мест в заведениях общепита в выходные дни не найти, особенно если твоё желание подкрепиться совпадает по времени с внутренними позывами и распорядком дня большинства обитателей города, в чём пришлось убедиться ещё во время обеденного перекуса. Ведь я со старшими сыновьями не отношусь к большим поклонникам ливанской кухни,

просто все остальные заведения были, можно сказать, битком набиты, кое-где стояли очереди из желающих присесть. Казалось, французы неделю не ели, и вот только сейчас, в субботу им разрешили покормиться в ресторанах и кафе, и они прямо-таки штурмовали их, брали приступом, измором и ещё другими, только им известными способами.

Мои сыновья вообще-то мечтали пообедать вкусными французскими блинами в тот день, а пришлось им довольствоваться неведомыми ливанскими закусками. После получасовых хождений по центру в поисках мест в какой-нибудь блинной (а их великое множество во Франции) мы сдались на милость первого встречного, согласившегося нас принять заведения, о чём, к слову сказать, не пожалели.

Но с ужином в субботний вечер оказалось ещё сложнее. Мы шли по узким уличкам центральной части Нанта мимо заполненных людьми террас, на которых дымились, источая божественный аромат, самые разнообразные мясные, рыбные, овощные блюда в соусах тартар или бешамель, майонезном или грибном. Их сопровождали аппетитные гарниры из жареной с краями шоколадного цвета картошки, длинных ростков спаржи, подрумяненных кружков томатов и баклажанов, круглого горошка и обезображенной до неузнаваемости моркови. Народ безжалостно уплетал за обе щёки, а мы могли только слюнки глотать. Имея евро восемьсот в кармане (то бишь на Лёшиной карточке) на утеху желудка! Вот так жизнь смеётся над тобой.

Но я же должен был накормить своих детей, пусть теперь при помощи Алёшиного пластикового платёжного средства, но должен! Поэтому призвав на помощь всю свою природную изобретательность (хочется верить, что она у меня есть), я стал опрашивать всех встречных гарсонов, а не предвидится ли у них свободных мест? Дело в том, что при бронировании столиков назначается (как и у нас) время, и опоздать можно только на 15 минут (вполне гуманная отсрочка, учитывая огромное количество голодных людей в городе Нанте). И вот, наконец, повезло, один официант ресторана традиционной французской кухни (ура, всё же поедим как положено в стране вкусной еды) сообщил мне по большому секрету, что через пару минут истекает оговоренное время, а гостей всё нет. А потому спустя две минуты и тридцать секунд, взятых на случай несовпадения стрелок наших часов с индикаторами времени на телефонах соперников по столу, я подскочил к благодетелю и получил заветный уголок с тремя стульями. Дети быстренько, но стараясь соблюдать приличествующий заведению темп ходьбы, последовали за мной, нельзя упускать такую возможность! Пустые желудки урчали как машины Формулы один перед стартом, но теперь мы были спокойны, особенно я, никто не уйдёт голодным, главное, чтобы обладатель «общака» Алёша не счёл цены слишком высокими. Но реализм возобладал, и мы хорошо оттопырились в ресторане

«Chez maman», что в переводе означает у мамы. Грамотное название, ведь почти каждый мужчина считает, что лучше мамы никто не готовит, не каждый решается это произнести вслух в присутствии жены, но тут мы готовы были с этим открыто поспорить – утиные ножки и колбаски в остром соусе были бесподобны. Не знаю, как поужинали те, кто бронировал наш столик и, возможно, просто опоздал, но мы были довольны и после сытного ужина, погуляв ещё немного по симпатичным улицам старинного города, весёлые и гастрономически удовлетворённые вернулись домой.

Наше веселье не остановилось и там, благо я, как человек предусмотрительный, запасся в гипермаркете не только тёркой, но ещё и несколькими бутылками вина. Французское вино, кстати, совершенно неожиданно повлияло на «etat d'esprit» (состояние души, наверное, так лучше перевести) моих повзрослевших сыновей. В них вдруг проснулась русская кровь, и Алёша включил на ютюбе отрывок из фильма «Александр Невский» - атака крестоносцев на льду Чудского озера под музыку Сергея Прокофьева, очень впечатляющая вещь, вам скажу, пока мне дети не показали, я не замечал. Ну а окончились ночные посиделки просмотром другого шедевра социалистической киноиндустрии - «Иван Васильевич меняет профессию». Тут я ощутил внутреннюю гордость, не зря я их в детстве мучил советскими фильмами от «Белого солнца пустыни» до «Кин-дза-дза»! Они тогда высиживали перед экраном обязанность просмотреть всю историю солдата Сухова и Абдуллы, а теперь, оказывается, сами не прочь напомнить папе лучшие страницы советского кино. Радость мою омрачало только то, что параллельно с вином абсолютно неголодные дети мои уничтожали все запасы Алёшиного холодильника - перспектива утреннего борща становилась всё более и более туманной. Ну а как же миссия по кормлению бедных французских программистов? Неужели придётся перенести её на вечер? Ведь светлое время суток надо посвятить продолжению осмотра достопримечательностей славного (он мне нравился всё больше и больше, несмотря на очевидный дефицит посадочных мест в общепите) города Нанта?

Так оно и случилось, дети проснулись с явным отвращением к еде, но я их поставил перед фактом, пока они спали, я приготовил всё для борща – сварил бульон, пропассировал на мясных шкварках капусту и морковь с луком. Теперь главной задачей было удержать детей от обжорства во время запланированных прогулок по Нанту, с трудом, но это мне удалось.

Итак, на вечер оставалась сущая ерунда – протереть варёную свёклу да сварить в бульоне резаную картошку, добавив в нужное время остальные ингредиенты. В общем, дел оставалось на полчаса максимум. И хотя, жизнь внесла некоторые коррективы в этот стройный план – кастрированная, с таким трудом купленная, тёрка отказалась измельчать твёрдую морковь, и утром

пришлось её порезать на мелкие дольки, которые варились значительно дольше (как они там живут без нормальных тёрок?). Под стать моркови оказалась французская картошка, видать, мы взяли не глядя какой-то особо устойчивый к варке сорт. Поэтому вечером, с опозданием от графика минут на двадцать блюдо было подано, и детки уплели по две порции каждый, несмотря на поздний час. Старший даже взял с собой в предусмотрительно купленную герметично закрывающуюся банку почти литр (маму угостить, её он навещал на следующий день), а младший попросил почти слёзно оставить ему добрую порцию на завтрашний ужин. Вспомнив детство, они чуть не подрались за остатки борща. Я с явным удовлетворением наблюдал их спор. Миссия была выполнена, и отец взрослых детей мог со спокойным сердцем возвращаться в Питер. Двоих программистов накормил! Французских!

На одной из внутренних галерей замка Нантских герцогов

ОКТЯБРЬ 2018 ГОДА

САМАЯ ДОЛГАЯ ДОРОГА

18 августа 1991 года мы с женой стояли на перроне Варшавского вокзала города, вновь обретшего своё историческое имя Санкт-Петербург. Питер одарил нас привычной погодой – пасмурно, вот-вот пойдёт дождь, по всем признакам короткое ленинградское лето кончилось. Тем легче уезжать, всегда тяжело покидать насиженное место, особенно наш город, когда под ласковыми лучами солнца он начинает сиять позолоченными скатами соборов и шпилем Петропавловки, даже полуоблупившаяся штукатурка домов в центре становится ярче - как на картинах художников.

Франсуаза возвращалась во Францию с намерением остаться там до следующего лета, а, скорее всего, навсегда, надо было приступать к работе, преподавать русский язык. Это совсем не то, о чём она мечтала, но зато гарантированный кусок хлеба с маслом. И его оказалось не так просто добиться – тяжелейший конкурс сдала двумя годами ранее, потом ещё стажировалась целый учебный год, затем взяла отпуск без содержания, но больше тянуть не позволялось, и вот пришлось принять единственно возможное решение – приступить к работе. Я оставался в Питере, надо было довести до печати очередной номер журнала «Русское прошлое», готовиться к защите, писать автореферат, печатать его, проходить предзащиту и так далее.

Уехать одна она не могла – за четыре года жизни в СССР накопилась уйма жизненно важного хлама, мы обросли нужными, даже необходимыми вещами (в основном привезённым из Франции) – как только раньше жили без них! Плюс ещё и кошка, пристроившаяся к нам во Пскове и заменившая жене упавшую с шестого этажа Пью. Всего 9 мест! И это при том, что большая часть осталась во псковском доме. Даже вдвоём мы еле тащили наше движимое имущество, и, если в Питере нам помогал приятель, то при пересадке в Берлине на помощь мы особо не рассчитывали. Самолёт был не по карману, к тому же багаж вышел бы золотым. Поэтому ехали на поезде, и вдвоём, правда, я дней через десять возвращался обратно.

Поезд Санкт-Петербург-Берлин отправился по расписанию, когда уже стемнело. Вот проплыл заасфальтированный перрон, потом пристанционные постройки, пути, пассажирские составы в отстойниках – обычная картина. После отхода поезда погода всё-таки испортилась окончательно - по стеклу потекли струйки воды - вовремя, успели не промочить свои баулы и сами не промокли, пока тащили имущество от такси до конца платформы. Пролетали в окне встречные электрички – тоже ничего необычного. Всё как всегда, ничто не предвещало грозы, но она уже собиралась на горизонте. Аннушка разлила

масло, где-то в Крыму сидел отрезанный от связи Президент огромной страны, жертва своих собственных аппаратных игр.

Утром проснулись, телевизора в поезде, естественно, не было, и поэтому мы не получили удовольствия смотреть «Лебединое озеро». В нашем вагоне по-прежнему никто ни о чём не догадывался. За окном мелькал привычный пейзаж, ухоженные литовские поля, полупустые дороги и машины с обычными советскими номерами. На железнодорожной станции Вильнюс вовсю трудились ненавистные оккупанты – советские солдатики что-то чинили, таскали, видать для жаждущих свободы оккупированных эта работа была в тягость. Потом Гродно, а к полудню или чуть позже доехали до польской границы с длительной, почти трёхчасовой, стоянкой на нашей стороне – нам меняли колёса для более узкой европейской колеи. За это время прошли наши немногословные пограничники с лицами ещё более каменными, чем обычно, но тогда мы на это не обратили внимание. Затем часовая остановка за пограничным столбом и польские, уже не союзные нам по Варшавскому Договору, но такие же безразличные, как и раньше, стражи границы.

На нашей, советской, стороне нас обогнала длинная колонна жителей Белоруссии, в основном, женщин с котулями, выгрузившихся из гродненского дизель-поезда. Они тащили свои сумки вдоль путей до польского состава, остановившегося не так далеко, немного не доехав до места смены колёс – пригородным поездам их не меняли, поэтому они ходили только до конца своей колеи. В голове пронеслись картинки из фильмов про войну, эвакуация, русские бабы с мешками и чемоданами. Но в 1991 году движение шло в другую сторону и не было плачущих детей - все везли разный хозбыт, желательно металлический, на продажу в разом обедневшую после начала шоковой терапии Польшу. Небогатые польские граждане предпочитали дорогим европейским и японским игрушкам незатейливый, но вполне функциональный советский ширпотреб. Наши предприимчивые соотечественники бегали по опустевшим магазинам и базам, выгребая оттуда всё, что можно обменять на звонкую валюту в виде миллионных польских купюр. В Польше тогда все стали пусть номинально, но миллионерами. Огромные вещевые рынки в восточной части соседней страны в те годы были до отказа забиты предприимчивыми продавцами из СССР.

Наконец тронулись, замелькали узкие полоски земли, огороженные кустарником или частоколом (чем дальше в Польшу, тем меньше наделы), на них сгорбленные фигурки и лошади – польские крестьяне страдали от малоземелья, тракторов на полях я вообще не замечал. Иногда казалось, что их стандартный кусочек земли не больше четырёх- пятикомнатной квартиры. Станция Белосток, а вечером будет Варшава, утром Берлин, всё шло по плану,

всё происходило как всегда. Ещё две ночи и один день, и мы в Париже. Хотя он и не являлся конечной целью маршрута, но там уже будет намного проще и останется совсем чуть-чуть, длинные мучительные перегоны, когда от скуки спасали только взятые с собой книги, окажутся позади.

И тут-то по вагону поползли слухи – в Москве переворот, у власти какой-то ГКЧП, про Горбачёва ничего не слышно. Сначала казалось, что это бред, в нашей стране переворот, мы же не Латинская Америка, почему ретивые советские пограничники и таможенники нас не обрадовали? Но вскоре последние сомнения исчезли. Оказывается, ещё утром в поезд сели вильнюсские пассажиры, не один человек и не два, и все в один голос твердили про это самое ГКЧП. Просто до нашего головного вагона сенсационные новости дошли только в Польше. После Варшавы появилось больше информации, но ничего утешающего не было – в Москве танки, страна на пороге гражданской войны. Вагон гудел как улей, у всех только одна тема для разговора, но толком никто ничего не знал, ничего не понимал, а находиться в неведении в таких ситуациях страшнее всего.

Франсуаза сказала: «Я тебя обратно не отпущу». Спорить было бесполезно, да и непонятно о чём. На беспроигрышный аргумент, что у меня там диссертация осталась, ответила: «Я сама за ней съезжу, иностранцев не тронут». Декабристка образца 1991 года. Прямо из фильма «Звезда пленительного счастья». Я пытался хорохориться, убеждал, что всё устаканится, но мысленно уже соглашался с ней. Диссертация моя, скорее всего, становилась, как выражались в научных кругах, не диссертабельна, а переписывать её по советским канонам я ни за что бы не стал. Да дело было и не в диссертации, неужели придётся бросать всё, там ведь родители, друзья, там вся моя жизнь. Странно, ведь ещё вчера я вполне мирился с такой мыслью, семейные обстоятельства складывались так, что после защиты надо было принимать решение об отъезде. Но одно дело уехать самому с возможностью вернуться в любой момент, а другое – рубить концы, потерять возможность физического контакта со всем, что дорого.

Заснуть в ту ночь не мог долго. Мы ехали, куда ехал я, того уже не знал, ещё утром всё было расписано по полочкам, вся моя жизнь на ближайший год, да и дальнейшие перспективы представлялись более-менее отчётливо, хоть и по-разному, а теперь всё полетело в тар-тарары. При товарище Сталине браки с иностранными гражданами вообще запретили. Что на уме у новых товарищей, любителей твёрдой руки и привычного порядка, одному Богу известно.

В истории бывало, когда волей небольшой группы лиц удавалось остановить пагубное развитие событий и ценой малой крови предотвратить

катастрофы бОльших размеров. Но были ли такими эти 7-8 человек предпенсионного и пенсионного возраста с лидером, у которого тряслись руки? Про руки я прочитал уже в Берлине. Почему они, почему так? Бессмысленно задавать вопрос по какому праву. Хватит ли у них ума, сил и воли чтобы сдвинуть большую страну? Время показало, что необходимых качеств не хватило даже на выполнение первого шага. Беспомощность, бездарность и бессилие – неизбежные симптомы крушения империй и цивилизаций.

Берлин, 20 августа, десять утра по местному времени. Я стою перед нашим вагоном с выгруженными из поезда восемью чемоданами и сумками впечатляющих габаритов, в руках у меня кошка в переноске. Француаза ушла узнавать, как нам ехать дальше. За моей спиной в окне табличка на двух языках «Санкт-Петербург – Берлин». По перрону ходит человек-газета с большой вывеской спереди и сзади BILD, кричит с регулярным интервалом “Bild die Zeitung!”, “Bild die Zeitung!” и размахивает первой страницей газеты. Даже не напрягаясь, не собирая в голове все остатки немецкого, я легко перевожу заголовок большой передовой статьи «Горбачёв мёртв?» Да, всё веселее и веселее, Бог с ним с их любимцем Горби, если так и есть, то сам виноват, но что дальше-то будет? Не придёт ли за первым трупом черёд других, не маячат ли на горизонте горы невинных жертв?

С другой стороны платформы отправляется немецкий поезд, какая-то фрау долго машет рукой вслед уходящему вагону, потом поворачивается, смотрит на наш состав, потом на меня с барахлом и кошкой. В правильной немецкой голове, привыкшей к чёткой и ясной картине мира, всё выстраивается мгновенно – путч, русский поезд, молодой человек со всем своим скарбом и кошкой, первый беженец значит. Что-то от мамы Меркель в немках, видимо, было и тогда, она подходит и молча протягивает мне монету в пять марок. Я отказываюсь, говорю, «найн», «данке», она понимает – гордый, тогда заходит с другой стороны: «фюр ди катце», для кошки, но я твёрдо стою на своём, ещё милостыню мне будут подавать! Отчаявшись поучаствовать в операции по спасению кошки-эмигрантки от голодной смерти, сводная сестра Меркель уходит. Наконец, возвращается Француаза, всё улажено, у нас есть свободное время, сдаём вещи в камеру хранения и идём в город, с кошкой, разумеется.

С кошкой в дороге всегда случались какие-нибудь приключения, да и не удивительно, эти животные не приспособлены к поездкам длиной три тысячи километров да ещё с пересадками. В предыдущий раз она от нас сбежала в Варшаве. Прямо из сидячего вагона, в который мы только загрузились. Ей приспичило, и она освободилась от лишнего груза прямо посреди полузакрытого купе. Я слегка наказал животное, оно, как водится, обиделось и вылетело как стрела из купе в коридор, из коридора в тамбур, из тамбура на

перрон, с перрона прямо на пути, там оно уселось и стало смотреть - что же делают люди. Может, и само к тому моменту успело сильно перепугаться – ночь, рядом какие-то вонючие железяки и деревяшки. А люди в моём лице опрометью бросились за кошкой – до отправления оставалось минут десять! Не верьте тому, кто говорит, что может догнать кошку, да будь он хоть олимпийский чемпион по бегу, если это животное не захочет, вы его никогда не догоните, наше захотело, видать, испугалось уже не на шутку. Оно позволило мне спуститься на пути и взять себя, не оказав ни малейшего сопротивления. Хорошо, это случилось в Польше, а не в Германии, от законопослушных и правильных немцев мне бы влетело по первое число за хождение по рельсам, а по-славянски разгильдяйские поляки даже не заметили.

В Берлине произошло нечто подобное, но совсем без того, варшавского, размаха. Наученные горьким опытом, мы даже не пытались пожурить кошку, к тому же поняли - сами виноваты – накормили её в одном кафе халявными сливками в маленьких упаковочках, которые разрешали брать к заказанному кофе практически в любом количестве. И кошка уже осознавала положение - для отправления своих естественных надобностей забилась под полку, в самый дальний угол, чтобы люди не ругали – а ведь оттуда пришлось всё вычищать (сплошное удовольствие!), распластавшись почти в ногах у соседей и шерудить протянутой рукой с бумажками по пыльному полу, который новые польские уборщицы DBB (немецких железных дорог), видимо, ленились протирать в силу своего совершенно не немецкого происхождения! Хорошо, в европейских поездах неиссякаемый источник протирочной бумаги – туалет – открыт всегда.

В полусидячем-полулежачем купе с нами ехала пара пожилых бюргеров, они с отвращением наблюдали эту картину и даже не отреагировали на мои извинения – «Das ist auch ein kinder. Entschuldigen si bitte!” (Это тоже ребёнок, извините, пожалуйста!). И только ночью, только в полутьме пытающегося уснуть купе, куда проникал лишь чахлый свет из узкого коридора, отражавшийся на белой шерсти кошки, выбиравшей в качестве кровати то меня, то жену (мы спали поочередно на единственной нашей кушетке), они осознали своё счастье. Через отсек от нас продолжили вечернее веселье молодые немцы с несколькими ящиками пива, а у нас царили максимально возможная тишина и спокойствие. Может, поэтому утром наши соседи демонстрировали образцы показной вежливости. Во всём этом была одна приятная сторона – поездные «приключения» отвлекали от тяжёлых мыслей.

Так протряслись мы остаток второго дня и третью ночь, по-прежнему информация была обрывочной, по сути, мы ничего не знали, а время тянулось жутко медленно. Франсуаза по-прежнему собиралась одна ехать за моей

диссертацией, я уже не возражал, что толку? Москва и Питер в тот день бурлили, вечером в Москве под гусеницами танка погибли три парня. А я даже на улицу не мог выйти, чтобы выразить своё отношение к безумной затее выстарившихся сумасбродов и фанатиков. Я ничего не мог, я мог только ехать на поезде, но ехал не туда.

Утром в среду была ещё одна пересадка, в Брюсселе (закомпостировать в Берлине билеты на прямой поезд мы почему-то не смогли). На пересадку со всё теми же девятью местами багажа у нас оказалось лишь пятнадцать минут, поэтому ни о какой покупке газет не могло быть и речи, только поезд в этот раз вёз наполовину франкоязычную публику, и жена сумела узнать кое-что, правда, мало. Я всё еще ехал в никуда, не зная надолго ли, навсегда ли и зачем. Ждать оставалось недолго, часа три - и мы в Париже,

После многочасового и однообразного ожидания в поезде, теперь всё развивалось стремительно. Кадры меняли друг друга, как в старых немых фильмах, такси, квартира подруги жены, телефонные разговоры с её родителями (мы тут, всё нормально), телевизор, который вещал почти исключительно о наших событиях, единственный случай на моей памяти, первые признаки развязки. На следующий день финальная точка нашего путешествия, и конец безумной авантюры, трагедии не случилось, началась другая история, тяжёлая, иногда страшная, иногда не очень, разная как сама жизнь.

Я не помню, чувствовал ли радость по поводу того, что это как будто хорошо закончилось. После трёхдневного томительного ожидания и бессилия наступило опустошение, наверное, усталость от дальней и тяжёлой дороги плюс переживания сделали своё дело. Одно было точно – ощущение того, что всё еще впереди. Так оно и случилось - проблемы нарастали, парад независимостей, хамелеонообразные коммунисты у власти в союзных республиках быстро начали спасать свои шершавые шкуры и партии, провозглашая отделение от Москвы. Но страница была закрыта, страница, которая завершила одну эпоху и открыла другую – четыре дня, по насыщенности событиями не уступающие десятилетию, если не больше. Четыре дня, совпавшие чуть ли не час в час с дорогой из Питера во Францию, с моей самой долгой в жизни дорогой.

МАРТ 2017 ГОДА

КОНТРРАЗВЕДЧИК

Дело было в июне, к тому же в июне 1991, через пару месяцев произошёл путч, потом - развал СССР, но всё это случилось потом, а пока я приехал с женой в очередной раз во Францию из Советского Союза. У нас случился отпуск, и надо было навестить её родителей, совершить кое-какие формальности, ну и просто провести прекрасное время года в деревенском доме, затерянном в центре Франции, в деревушке со странно звучащим для нашего уха названием Львиньи (Luigny - к слову «львиный» отношения не имеет, обычное созвучие).

До этого все поездки (целых две, правда, общей продолжительностью почти в год) имели целью Париж и базой довольно скромную квартиру недалеко от Монмартра. Теперь обстановка кардинально изменилась. Мать жены потеряла работу, шансов найти новую в 53 года она не имела. Поэтому на семейном совете тёща и тесть приняли решение уехать жить в деревню, поближе к родственникам. Тестю в его 83 (!) года тоже надоело, опираясь на палочку, подниматься на шестой этаж без лифта, поэтому он был очень доволен таким изменениям в их жизни. Правда на новом месте приходилось чуть ли не за хлебом ездить на машине, но он и в Париже всюду передвигался на колёсах, стоял в пробках, иногда по полчаса искал место для парковки вечером после работы (он ещё и подрабатывал на полставки в свои годы), а тут всё было перед домом. Машиномест имелось целых два, при желании умещался и третий автомобиль, о пробках знали не понаслышке только бывавшие в больших городах, либо такие же, как он, пенсионеры, уехавшие подальше от шума городского.

Вот они и взяли ипотечный кредит, покинув свою съёмную квартиру. Какая-то сложная схема была, я и тогда в ней не разобрался полностью, а теперь и подавно не помню деталей. Тем не менее, пенсионер с небольшой пенсией и безработная с хорошим пособием (до поры до времени хорошим) купили на заёмные деньги полутораэтажный домик километрах в 100 южнее Парижа с водопроводом и котельным отоплением. Надо сказать, что без этих благ трудно представить себе деревенский дом во Франции. Километров 12 по хорошей дороге их отделяло от кантонального (по-нашему районного) центра с населением в четыре тысячи жителей, где имелось почти всё необходимое для жизни – магазины, сфера услуг, врачи. В другую сторону был городок побольше, тысяч на 15, там даже больница функционировала. Но поскольку он находился дальше километров на восемь (!), мы туда ездили в основном на

рынок, ну и ещё так, за разными мелочами, которых всегда не хватает. А в полусотне километрах на северо-восток был Шартр с его великолепным собором и музеем витражей. Туда мы не наведывались – далеко, почти час езды, по автостраде значительно быстрее, но за проезд по ней надо платить деньги.

Вот и проводил я время не сказать, чтобы весело, но и не однообразно. Женщины готовили, мужчины (точнее, я под руководством тестя) занимались мужскими делами – кололи дрова для камина. В подвале был установлен неплохой котёл на мазуте, но огонь камина зимой доставляет особое удовольствие! На это удовольствие я и наколол кучу полешек, а когда годовая программа была выполнена, меня направили на сельхозработы в поле, точнее в сад, слегка подзапущенный прежними хозяевами. Там я полол газон, почти ползая по стриженой траве и выискивая мелкие, но достаточно неприятные колючки, вырывал их и бросал в кучки, которые потом сам же и выносил куда-то.

Ещё мы много лежали в саду, греясь на солнышке – приятное разнообразие после хмурого питерского лета – читали, лёжа на шезлонгах, ходили за хлебом в местную булочную. Там однажды увидели «Ниву» с эстонскими номерами. Рядом громко, как будто перекликаясь в лесу, разговаривали между собой эстонцы. Резкий звук их голосов полностью диссонировал с тишиной деревни, где лишь гул изредка проезжающих автомобилей нарушал спокойствие жителей. Хотелось объяснить гражданам маленькой свободолюбивой страны, что надо бы уважать образ жизни французов, да не стали портить настроение ни себе, ни им.

Не переутруждая себя домашними делами, мы много гуляли по окрестным местам. Они представляли собой асфальтированные дороги, и клубами пыли нас никто не обдавал. Поля, однако, были либо огорожены – частная собственность, либо просто стояли таблички на обочинах, предупреждавшие о том, что ходить по сельхозугодьям нельзя. Тем не менее, любоваться пейзажами не возбранялось. На самой окраине деревни стоял замок, только не средневековый с высокой стеной и башнями, а замок-резиденция века восемнадцатого - chateau de plaisance (замок, построенный для обороны владений, французы называют крепким – chateau fort). К нему вела чудесная аллея из не помню уже каких деревьев (никогда не был силён в биологии), но гулялось по ней весьма приятно, особенно в закатные часы. Во французских деревнях довольно часто встретишь такой памятник архитектуры, какой у нас составил бы честь иному городу средней руки. Иногда это церковь трёхсот - четырёхсотлетняя, иногда маленький квартальчик старых домов, а бывает и настоящий, с каменной стеной и высоким донжоном, замок.

Примерно так шло время, подошёл день и час одного из главных мероприятий этого тепличного месяца – собеседования с представителем французской секретной службы. Дело в том, что жена уговорила меня подать на гражданство, а для этого требовалось пройти ряд инстанций, в том числе две разведывательно-контрразведывательных организации - RG и DST. Уже года полтора я обладал видом на жительство во Франции, имел право работать, но положение подобного счастливчика тогда было не то, чтобы очень комфортным, даже для выезда из страны (соответственно и к себе на Родину, где я, в общем-то, жил и трудился) требовалось испрашивать разрешение. Конечно, только формальное, его давали всегда, но, тем не менее, к области приятных впечатлений о пребывании в стране подобные процедуры, естественно, не относились. Поэтому французский паспорт, позволявший без виз проезжать Германию и Бельгию по наземным дорогам, виделся мне пределом мечтаний. Сейчас это может показаться дикостью, но тогда между самолётом и поездом мы обычно выбирали более дешёвый вариант – железную дорогу – «всего» двое с половиной суток тряски в купейных и сидячих вагонах с пересадками, и Северный вокзал Парижа у тебя перед глазами.

Первую спецслужбу я уже прошёл, «важный» разговор занял минут десять и, поскольку он мне ничем не запомнился, видимо, оказался по большому счёту проформой, ни о чём. Тогда тесть меня отвозил на машине в Шартр, где мы, к моему великому сожалению, не задержались. В его годы, люди тяжело переносят жару в машине без кондиционера. Теперь мы ждали визита на дом человека из второй спецслужбы – DST (дирекция безопасности территории). В чём разница между двумя этими службами никто мне не смог толком объяснить, наверное, потому что никто и не понимал её, но службы работали, пачки бумаги исписывали, шпионов ловили.

Он появился, как и обещал, часов в одиннадцать утра. Среднего возраста, среднего роста, с ничем не примечательным лицом, весь такой обычный, на улице подобных субъектов не замечаешь. Сразу заявил, что по-русски ни бум-бум. Разговор шёл бодро, даже с шуточками, но через переводчика - мою супругу. Главная тема была одна – для чего мне понадобилось французское гражданство, и чем я занимался в Союзе. Интересовали также члены моей семьи. Это было понятно с одной стороны (мы всё ещё официально числились врагами), но с другой стороны казалось несколько утратившим смысл. В то время СССР никакой угрозы уже не представлял, да и за годы перестройки тысячи советских граждан успели устроиться во Франции и получить гражданство совсем не по политическим причинам, а просто, как сказали бы сейчас, в качестве мигрантов, в поисках лучшей доли.

Наш гость, не найдя в моей скромной персоне аспиранта-историка ничего потенциально опасного для французского государства, быстро переключился на родственников. А тут было что покопать – отец отставной военный, брат – действующий капитан ВВС. Я хотел броситься объяснять, что таких, с родственниками в Вооружённых Силах, у нас в СССР миллионы, если не десятки миллионов, и мы не представляем никакой угрозы для безопасности Пятой Республики, мы ей только добра желаем! И тут-то наш гость прокололся, оказалось, что слово истребитель-бомбардировщик он понимает (жена слегка запнулась с переводом). На одно мгновение повисла в комнате неловкая тишина, но все оказались людьми сознательными и понимающими ситуацию. Промашку его мы с женой деликатно не заметили, однако стало ясно, что не так прост неприметный дядечка, осведомлён о наших советских делах, и не надо ему ничего объяснять. Дядя тоже понял, что мы его «раскусили», но глазом не моргнул, и разговор стал плавно перетекать в финальную часть.

Дабы сгладить возникшую неловкость, гостю предложили кофе. Уместно отметить одну деталь, которую я упустил по невнимательности своей и отсутствием страсти к данному напитку. По утрам французы, пытаясь окончательно проснуться после ежедневного омовения, закрепляют хрупкое ещё пробуждение, выпив кофе из большой кружки (bol), а в остальное время - как в кафе – пьют крепкий из маленькой чашечки. Жена осталась для поддержания разговора, а я пошёл делать кофе, и приготовил огромную кружку! (В доме родителей супруги обычно пили только утренний кофе.) Принёс её в комнату, присутствующие, особенно, слава Богу, дээстешник, восприняли это с юмором, а не как провокацию против официального лица. Он еле удержался от смеха, но, к чести своей, такой кофе всё же выпил.

Забавное происшествие это разрядило обстановку, повеселевший гость уехал восвояси, где, судя по всему, поставил благоприятную резолюцию в моём деле, и, как говорил незабвенный Михаил Сергеевич, наш тогдашний лидер, процессы пошли.

Через пару недель я вернулся уже не в Ленинград, а в проголосовавший на референдуме за изменение своего имени Санкт-Петербург. И во Франции медленно, но верно работала бюрократическая машина - в январе 1993 на наш французский адрес, пришло уведомление о получении мною гражданства. Жить стало не сказать что лучше, но проще, хотя требование просить разрешение на выезд к тому времени, кажется, и так отменили.

ФЕВРАЛЬ 2017 ГОДА

ЛИЛИ

У Пьера и Катрин не было детей, а годы шли, приближались к сорока. В жизни они кое-чего достигли – свой дом в пригороде Парижа, дачный домик на курортном острове в Бискайском заливе, хорошо оплачиваемая работа у Пьера. Только пустовато жилище без детей, хотелось им слышать радостные детские крики, смотреть на возню с игрушками, видеть, как растёт их чадо, но лишь чужие дети играли, веселились и росли в округе. Долго не решались и, наконец, созрели – надо усыновлять. Приёмный ребёнок хоть и не своя кровь, а всё-таки радость в доме. Одна проблема – во Франции очередь, ждать ребёнка надо лет семь-восемь, зато (они навели справки) в СССР в детдомах детей больше, чем желающих их принять.

Катрин – сестра Франсуазы по отцу. А мы тогда ещё жили во Пскове, только изредка появляясь во Франции, поэтому Пьер и Катрин и попросили нас помочь. Такая просьба, конечно, застала нас врасплох. Шёл девяностый год, не существовало ещё никаких специализирующихся на усыновлении организаций, сами мы понятия не имели, как всё должно происходить. Но помочь надо было, и мы пообещали, как минимум, навести справки. Пьер хотел девочку, он мечтал о куколке, которой будет покупать нарядную одежду, когда подрастёт. Катрин не возражала.

У нас как раз почти закончился ремонт дома – оставалось подключить газ, а переезд в Ленинград, где меня ждала интересная работа, ещё не состоялся. Время имелось в наличии, и мы занялись проблемой родственников Франсуазы. Конечно, никто ничего не знал, как это ни удивительно может показаться сейчас, на тот момент в городе Пскове иностранцы ни разу за последние лет семьдесят ни усыновляли, ни удочеряли детей. Но имелась у нас знакомая, бывшая коллега жены по преподаванию французского языка - Надежда Александровна. Она знала всех или почти всех нужных людей в городе и вывела нас на Валентину, женщину умную и неравнодушную к судьбам детей-сирот, курировавшую в горисполкоме как раз это направление. Валентина сказала да, можно попробовать, но сама она сделать ничего не в состоянии, по закону (или в виду его отсутствия) всё должен решать горисполком и только после личного обращения будущих родителей. Получалась непростая картина – Пьеру и Катрин надо приехать, показаться,

выбрать себе чадо (это уже более приятная часть), а потом ждать решения. Мы слегка упали духом, но родственники Франсуазы решили ехать. Слишком заманчива была возможность получить ребёнка сразу, без томительного многолетнего ожидания. Ну что ж, подумали мы с Франсуазой, в худшем случае хоть достопримечательности покажем, во Пскове и в пригородах есть что посмотреть. Слабое, конечно, но утешение.

Встречал их в аэропорту Ленинграда я, на такси доехали до Варшавского вокзала. У меня были заранее куплены билеты в купейный вагон на ближайший поезд до Пскова. Часа два болтались на плохо освещённом вокзале среди обычной советской публики с чемоданами, одинаковыми рюкзаками зелёно-коричневого цвета и перевязанными верёвками картонными коробками. Из стен здания выходить не хотелось – в неприветливой темноте порывы холодного ветра хлыстом стегали по лицу, ноги опасно скользили на плохо очищенном от снега тротуаре. Катрин рассказывала про то, как по телевизору показывали пустые витрины в советских магазинах, я молчал, только кивал – в магазинах действительно ничего не было, кое-что давали по талонам, поэтому вопрос кормёжки наших гостей стоял очень остро. На вокзале имелась какая-то столовка, но я не решился вести их туда. Боялся, что избалованные французской кухней желудки не выдержат атаки продуктами советского вокзального общепита. Немного спасли положение несколько сникерсов, которые Катрин предусмотрительно взяла с собой. Гости наши мужественно терпели, им же телевизор рассказал в какую страну ехали. Даже ни разу не спросили, как мы тут так живём. Наконец подали состав, мы сели. Поезд тронулся, проводница собрала билеты, все стали укладываться, время спать, на следующий день вставать очень рано. Тут и случилась первая накладка. Как только закрыли дверь в купе и выключили свет, Пьер, как ошпаренный, рванулся со своей полки в коридор, и ни за что не хотел возвращаться обратно, стоял в проходе. Я ничего не понимал. Как выяснилась, у него клаустрофобия, и ничто не могло спасти ситуацию, даже слегка приоткрытая дверь. Оставить её полностью открытой или включить свет мы не могли – в купе имелся четвёртый пассажир, не страдающий, как подавляющее большинство людей, никакой боязнью темноты.

Ситуация складывалась весёлая. Пьер стал меня успокаивать:

– Ничего страшного.

- Ладно, - согласился я, взрослый человек всё-таки.

- Разбуди меня, если что.

Бедняга провёл всю ночь в коридоре, на откидном стульчике. Знай я заранее, купил бы билеты в плацкартный вагон, но я-то хотел как лучше.

К утру поезд вышел из расписания. Когда я сказал об этом, Пьер с понимающей улыбкой произнёс: «На полчасика, да?» Во Франции поезда тоже опаздывали, правда, ненамного. Но мы ехали на советском поезде, они ходили плохо, начинался развал, затронувший даже железную дорогу. Наш состав опоздал больше, чем на час, вместо пяти часов ехали шесть с лишним, а проводница, как водится, будила людей за 50-60 минут до прибытия по расписанию. Так и просидели мы, не выспавшиеся и голодные два часа в полуспящем вагоне.

Во Пскове быт наших гостей был устроен гораздо лучше. Лучшая подруга Надежды Александровна волевым решением переселила к себе своего сына из только что полученной им двухкомнатной квартиры, освободив её для Пьера и Катрин, в итоге они жили в нормальных условиях. Если Пьер смог вырваться только дней на восемь (он совсем недавно открыл собственный бизнес и не мог надолго его оставить), то Катрин придётся провести в славном городе Пскове не меньше двух недель, поэтому условия проживания имели огромное значение. Мы у себя топили печку, и перспектива заселения к нам младенца и женщины, привыкшей к европейскому комфорту, могла присниться только в кошмарном сне. Холодильник им тоже заполнили ценой неимоверных усилий. Про это можно написать отдельный рассказ. Что-то купили на рынке втридорога, что-то достали, что-то принесли Надежда Александровна и её подруга.

Стояла зима, снег, мороз градусов десять, не больше, сильного ветра в отличие от Ленинграда не было, в общем, вполне приемлемая и даже приятная для этого времени погода. Приятная для нас. Пьер с его корсиканскими корнями, конечно, переносил относительный холод плохо. Зимой они не ездили в Альпы кататься на горных лыжах, не привыкли к холодам. Да и совсем это разные вещи, когда ты выходишь на мороз, чтобы со свистом прокатиться с горки десяток-другой раз, и когда при такой же температуре надо ждать автобус, который должен проходить каждые пятнадцать минут, но почему-то всё не появляется. Тут минута кажется вечностью. Глядя на Пьера, я всё больше ценил свою жену. Тоже из Франции, а зима ей нипочём. Хорошо, наших гостей разместили в спальном районе, там транспорт ходил, а вот когда приезжали к нам, то надо было минут двадцать-двадцать пять идти до центральной улицы, чтобы избежать бессмысленного ожидания автобуса за мостом через маленькую речку со скромным названьем Пскова.

Предстояло посетить детскую больницу, там лежали брошенные родителями младенцы. Пьер и Катрин очень волновались, но всё прошло как

по маслу. Персонал оказался доброжелательный, особенно врач, старший смены – молодой человек с чеховской бородкой. Франсуаза так и сказала: «доктор Чехов». Будущим родителям показали несколько девочек, но Катрин сразу потянулась только к одной из них, судьба, на глазах навернулись слёзы, очень долго ждала этого момента будущая мать. «Ну вот, Светочка, смотри, твои мама и папа», - сказал доктор Чехов, протягивая ребёнка Катрин. Девочка был записана под другим именем. Но доктор почему-то давал каждому ребёнку своё, им придуманное, оно казалось ему более подходящим. В данном случае он оказался просто ясновидящим, девочку назвали Люси, что означает свет, лучик света.

Ребёнка позволили лишь подержать на руках, оба будущих родителя воспользовались этим правом и отдавали девочку с неохотой, было заметно, что в душе они уже удочерили Светочку. Тем больше волновались мы, ожидая главного - решения горисполкома.

Заседание состоялось через несколько дней. Между тем Катрин и Пьер проводили в больнице столько времени, сколько им разрешали сочувствующие сотрудники медучреждения – раз в день минут по пятнадцать, посещения в это отделение больницы регламентом вообще не предусматривались. Для важного события мы приоделись, все выглядели торжественно – хотелось произвести на властьпредержащих хорошее впечатление.

Ждём, стоим в предбаннике, нервы взвинчены, мучительное нетерпение, злость на этих, сидящих там, в другой комнате дядек, которым по какой-то причине дано право распоряжаться судьбой других людей – ну почему бы не сделать добро? Добро бездетным людям, приехавшим за тридевять земель, добро несчастному ребёнку. Трудно было представить, что произойдёт, если там, в той комнате, нам скажут нет, нельзя, нельзя отдавать наших советских детей в другой, не наш мир, другим людям, только потому, что у них иного цвета паспорт. Такое тоже приходилось слышать.

Наконец двери распахнулись. К моему удивлению, из них вышел не строгий советский чиновник, а председатель строительного кооператива, ремонтировавшего нам дом. Перед нашим слушали его вопрос. Ещё месяца два назад мы с ним разругались почти вдрызг, я был не доволен сроками работ – мне пришлось встретить осенние холода в доме с недоделанной пристройкой-кухней с дырой вместо окна, он – тем, что я заплатил меньше (его зам втихаря от шефа подписал со мной штрафные санкции за задержку строительства). Но в тот момент мы встретились как старые друзья, все былые дрязги были забыты. Наверное, большинство проблем, возникающих в

отношениях между людьми настолько относительны, что не стоят главных человеческих бед, главных жизненных проблем.

Мы вошли, все четверо, будущие родители, Франсуаза и я. За большим, Т-образным столом сидели мужчины, немолодые, в годах, они внимательно рассматривали вошедших, дружелюбия и сочувствия в их взглядах я не прочитал. Нас представили высокому собранию. Валентина изложила суть вопроса. В воздухе повисла гнетущая тишина, членам гориспокома предстояло утвердить такое решение, которое ни они, ни все их предшественники ещё ни разу не принимали. Кто-то прокашлялся, кто-то сказал: «Да-а-а». Валентина мужественно держала удар, она стала заполнять паузу какими-то словами, больше эмоциями даже. Но высокое собрание молчало. Это тягостное молчание не предвещало ничего хорошего. Казалось, ещё немного – и нам откажут. Наконец один что-то шепнул соседу и после паузы здоровый дядька, пудов на шесть, вдруг громко произнёс: «Эх, меня бы кто усыновил!». И весь горисполком, все пятнадцать строгих мужиков в пиджаках и галстуках чуть не лопнули от смеха. Битва за удочерение Светочки была выиграна бескровно, на дворе стоял конец тысяча девятьсот девяностого года, власть потихоньку приобретала человеческий облик, и чувства людские ей оказались не чуждыми. Нам дали «добро», оставалось дождаться оформления документов, ещё немного и Светочка не отправится в положенный срок из больницы в детдом, а окажется в уютном домике Пьера и Катрин на улице капитана Паоли. Ни рубля никому не заплатили, кроме положенной госпошлины! Свидетельство об усыновлении нам выдали за номером 00001.

Вечером отмечали это событие на квартире, где устроились Пьер и Катрин. Собралось человек двенадцать - те, кто помогал, те, кто сочувствовал, и кого просто позвали. Был и хозяин квартиры, тот самый сын подруги Надежды Александровны, которому мама приказала освободить квартиру ради такого случая. Послушный мальчик, оказывается, работал таможенником на недавно открывшейся псковской таможне, им сразу давали жильё. Вина почти не было на столе – неразумно тратить на некрепкий напиток дефицитные талоны, все горбачёвские карточки пошли на водку. Закуски хватало, её в основном принесли сами приглашённые – салаты домашнего приготовления, огурцы дачного засола, квашеная капуста, купленная по знакомству колбаса и селёдка. Скромно, без претензий, но зато демократично.

После второй рюмки языки развязались, все хотели говорить с нашими французами Ведь Франсуаза, предусмотрительно завязавшая беседу на французском с Надеждой и Катрин, уже таковой не считалась – своя, Пятровна, как говорила соседка по улице. Поэтому весь интерес подвыпившей компании сконцентрировался на Пьере. Но изъясняться разговорчивые

участники мероприятия могли только по-русски, школьный английский оказался всеми, в том числе Пьером, надёжно забыт, поэтому обращались к нему по большей части через меня. Мой уровень французского на тот момент никак не позволял углубляться в свойственные всем застольным беседам философские вопросы бытия. Хотя надо честно сказать, что люди и не старались особо вдаваться в дебри, а ограничивались простыми вопросами о Франции и о наших гостях. При этом каждый предварял своё выступление вспомнившимся кому-то «экскьюз ми». Это «экскьюз ми» повторилось раз двадцать, но жизнь мне не облегчало, Франсуаза лишь изредка приходила на помощь, я выдыхался, и трудности перевода только множились. И я уже изнемогал, совершая подвиги некорректного, очень приблизительного перевода, когда Пьер, ранее ничего не употреблявший кроме вина или лёгкого аперитива, встал и сказал, что приглашает всех, абсолютно всех присутствующих, в свой парижский дом. Катрин с ужасом в глазах посмотрела на меня, надеясь на чудесное спасение в лице плохого переводчика. Но я не сообразил, как изменить слова Пьера – уж слишком торжественно было произнесено заявление. Присутствующие выслушали перевод, дружно зааплодировали и… стали потихоньку расходиться, видимо, сознавая, что к дальней дороге надо подготовиться, ну, как минимум, отоспаться. Я был спасён, но мой не очень затуманенный алкоголем мозг осознавал всю тяжесть происшедшего. Однако мои страхи оказались напрасными, на следующее утро о приглашении никто, включая самого приглашавшего, даже не вспомнил. «Пронесло», - успокоился я.

Пьер уехал через день, я его опять сопровождал, на этот раз купил билеты в плацкартный вагон, и всё прошло самым наилучшим образом. Пьер уже не убегал, я не переживал, проводница не подходила к одинокому мужику в ночном коридоре с вопросами, на которые он ответить не мог. Катрин осталась ожидать завершения всех формальностей. Дней семь спустя маленькая Светочка прилетела во Францию и окончательно стала Люси, или Лили для своих.

Она росла трудным ребёнком, видимо, сказывалась тяжёлая наследственность. Её биологическая мать, наверное, была ещё тот подарок, родила в каком-то подвале неизвестно от кого и, наверное, не в последний раз. Пьер хотел, чтобы девочка была нарядной и послушной куколкой, олицетворением женственности, но Лили росла прямой противоположностью мечтам отца. Она была бунтовщицей, не хотела никого слушаться, в школе училась плохо, когда ей говорили, что надо поступать так, а не этак, ответ был один:

- А я не хочу.

Тогда Лили объясняли, что так нельзя, так не принято, она в ответ:

- Ну и что?

Её убеждали:

- Это закон.

Она:

– Я изменю закон!

Сначала Пьеру нравилась строптивость дочери. «Зато у неё есть характер», - говорил он. Но очень скоро папа устал. Родители воевали с Лили до её совершеннолетия. Можно представить, как бы сложилась судьба девочки с таким нравом в псковском детдоме!

Через два года после описываемых событий Пьер и Катрин усыновили ещё одного ребёнка во Пскове, мальчика. Он был полной противоположностью Лили, послушный, тихий, но хитрый. Себе на уме. «Хохляцкая кровь», - говорила Надежда Александровна, знавшая кое-что о его генетических родителях. Антонэн (так назвали мальчика) рос спокойным ребёнком, но к наукам тяги тоже не проявлял. Окончив школу он стал, как мне кажется, лоботрясом и проживает папины деньги в разных странах. Правда, папа считает, что у сына настоящая коммерческая жилка и он найдёт себя, но, может, не во Франции. Дай-то Бог! Лили же, не оправдав надежд отца, часто конфликтовала с ним. Для Пьера она во все времена была проблемой, отношения между ними складывались непростые, и поэтому девочка не могла претендовать на такую лёгкую жизнь, как у брата.

Тем не менее, с годами пришла к ней определённая практичность – нельзя воевать со всеми, рассудительность, и, как это ни удивительно, она выросла спокойной, здравомыслящей девушкой, лишь несколько экстравагантной. Очень любит животных, особенно редких во Франции бродячих собак. Вот с учёбой не задалось, получила только специальность рабочего по чистке рыбы. По мере надобности подрабатывает этой самой чисткой. В двадцать пять лет Лили родила двойню от мужчины, старше её лет на тридцать пять. Довольна и счастлива, хотя отца мальчиков и след простыл. Папа Лили тоже счастлив. В очередной раз получил он две ляльки, а на пенсии чем же ещё заниматься? Думаю, он больше не рассчитывает сделать из них двух пай-мальчиков, как из Лили в своё время хотел сотворить что-то подобное в женском варианте. Наверное, просто радуется внукам и счастью дочери. Благодаря двум смешным карапузам, занимающим так много места в жизни взрослых, они снова нежно любят друга друга, папа и дочь, дочь и папа, и это хорошо! А уж как этому рада мама! Да здравствует семья! Будь счастлива, Люси!

МАРТ 2017 ГОДА

МАШИНА ПЬЕРА

«Это моя последняя машина», - частенько говаривал мой тесть, с любовью глядя на свой серебристый Фольксваген «Сирокко». Сирокко - это сильный ветер из Африки, который по весне обжигает жарким дыханьем Сахары ещё не просохшее после зимних дождей средиземноморское побережье от Испании до Греции и доносит песчаные бури даже до Альп. Поэтому машина, носившая такое грозное имя, имела спортивные формы и некоторые претензии, не Порше, не Альфа-Ромео, но всё же. Правда, экземпляр, о котором идёт речь, был куплен с рук уже слегка потёртым, на него ушла вся часть наследства умершей сестры (из трёх сестёр Пьера, кажется, ни у кого детей не было). Тесть обожал автомобили, они у него были всегда или почти всегда, денег на них не жалел, если таковые имелись, вот и тут, привалило маленькое наследство, он его и использовал по назначению, как ему казалось. Наверное, тёща была иного мнения, но она на тот момент ещё хорошо зарабатывала и, думаю, легко простила такую шалость своему большому ребёнку.

А тестю вскоре начал отстукивать счёт девятый десяток, и если он, как почти все люди рассчитывал пожить ещё и ещё, то всё-таки считал, что эта машина протянет больше, хотя и она уже была не молода по автомобильным меркам. К счастью, он ошибался. И если к качеству Фольксвагена претензий было немного (учитывая возраст железного коня), то усталость металла в итоге дала о себе знать, и тестю удалось-таки проводить своё авто в последний путь, но об этом чуть позже.

Моего тестя звали Пьер, Пьер Доже (Pierre Dauger). Пьер понятно, это Пётр по-нашему, камень, только по-французски камень пишется и читается точно так же – пьер – pierre, а вот фамилия у француза это, как говорил очень колоритный герой Копеляна в «Интервенции», что-то особенного. Шесть букв и четыре звука в фамилии Доже – совсем не предел, у тёщи и того круче – Гуо

(Gouault), три звука и семь букв, ещё лучше, чем у Рено, хотя такое же однотипное нормандское слово, скорее всего, древнегерманского происхождения, как и у всех викингов. Фамилия основателя известной французской компании состоит из четырёх звуков и всего семи букв (Renault). Впрочем, у тамошнего автопрома и у моей троюродной сестры есть ещё Пеугеот (её словечко), Пежо в общепринятом жаргоне. Кроме Рено, Пежо и Ситроена существовало ещё немало марок авто, но они не выдержали испытания временем, а жалко, уж больно хороши были «Панары» (Panhard et Levassor), особенно 17-ый и 24-ый. У них был свой непередаваемый дух, аура, которые исчезли, когда Ситроен скушал фирму.

Пьер тоже успел поездить на семнадцатом «панаре», задолго до описываемых событий, ещё в начале шестидесятых. Ну а вообще машины и французского производства, и иностранного у него были всегда, то есть, опять поправлюсь, почти всегда – с конца 20-ых годов прошлого века, когда основным личным средством передвижения среднестатистического француза был либо велосипед, либо лошадь с повозкой. Вспоминаю фотографию Пьера того времени: элегантно одетый, симпатичный молодой человек, в руке шляпа, на положенном месте цепочка часов, тщательно зачёсанные волосы с ровнёхоньким пробором на голове - 100% образчик французской золотой молодёжи того времени. До войны он сменил несколько машин, все – с конвейера, все – подарки отца. Потом призыв, фронт, линия Мажино, его подразделение сдалось в плен без единого выстрела, когда их обошли с тыла. Пленных немцы построили в две шеренги, одна напротив другой, Пьер присоединился к позвавшему его другу и ошибся. Рядового Доже вместе со всеми в шеренге отправили в Германию, а остальных отпустили по домам (так, во всяком случае, говорили потом – может, и правда, вдруг в Германии ещё места не хватало для всех).

Пять лет оккупации разорили отца, как и почему Пьер не распространялся, тогда существовали разные варианты, самый нелицеприятный – коллаборционизм. Активы коллаборционистов национализировали, это произошло и со знаменитыми компаниями Рено и Пежо. Что касается самого Пьера, то он сотрудничал с немцами подневольно, работал в плену на бауэра, но вернулся в дом отца живой и здоровый. Жизнь стала тяжелее, только без машины мой будущий тесть уже не мог, правда, теперь они стали попроще и подешевле.

Послевоенные годы для французов были трудными. Хотя им не надо было, как нашим дедам и прадедам или как немцам, поднимать страну из руин, тем не менее, жизнь впроголодь стала не таким уж редким явлением. Тесть не голодал, работал, кормил семью, но машины уже покупались только подержанные и не самые желанные.

«Сирокко» появился в хозяйстве Пьера в восьмидесятые годы, вообще-то это машина для двоих, двухдверная, на заднем сиденье довольно тесно. Но на главных обязанностях единственного в семье автомобиля, заключавшихся в подвозе продовольствия из супермаркета, сие обстоятельство никак не отражалось. Иногда «Сирокко» слега подводил, возраст сказывался, не раз тёща его толкала, вспоминая свою деревенскую юность. Чувства юмора ей было не занимать, и сравнение с волом, вызывавшее неприятные ассоциации с её располневшей фигурой, совсем не смущало мою тёщу.

Несмотря ни на что, машина была любимицей Пьера, он не мог за ней ухаживать так, как у нас до сих пор некоторые холят свои авто. Не мог по возрасту, да, наверное, и никогда не сдувал со своих автомобилей пылинки, воспитан был по-другому. Только на звук резко захлопнувшейся двери тихо реагировал "doucement" – аккуратнее. И машина ему отвечала взаимностью, она всегда, хоть порой и с капризами, но заводилась, у неё ничего не отваливалось не вовремя, и даже лысоватая резина нормально держала направление.

Она прощала своему хозяину многое, даже когда в толчее (как он выразился, забыв о парижских пробках после 6-7 лет в деревне) он срубил водительское зеркало заднего вида и, не заметив потери, спокойно проехал до нашего дома километров тридцать по напряжённой трассе (а, может, машина его довезла?). И это ещё довольно безобидный проступок. Как мне признался в те годы один знакомый его возраста (то есть на девятом десятке): «Нас ведь нельзя пускать за руль, мы и есть опасность на дорогах!» Пьер так не считал, он водил до последних месяцев жизни, но Сирокко всё же умер раньше, и что симптоматично - умер он на человеческом кладбище, почти как человек.

Они приехали на деревенский погост навестить ушедших родственников тёщи, а, возвращаясь, встретили какую-то пожилую пару, тоже оказавшуюся там по своим семейным делам.

- Это не ваш серебристый фольксваген там стоит?

- Наш, а что?

- Да у него в полу дырка, железо висит, чуть земли не касается!

Обычный поверхностный осмотр тела подтвердил свидетельские показания. Тёща не унывала: «Зато теперь можно отталкиваться ногами от земли!» Чувства юмора ей было не занимать.

Верного друга отвезли на разборку бесплатно, за металл. Взамен Пьеру купили тоже подержанный Рено-10, я помогал в поисках и в выборе авто, но видно было, что новый конь мало волнует хозяина. Его последняя машина

ушла, а новая стала только средством передвижения. И она, конечно, легко пережила хозяина.

ФЕВРАЛЬ 2017 ГОДА